

Инна Чурикова: «Когда на меня кричат продавщицы, я плачу»

Век. - 1997. - № 19. - с. 10

КОТЕНОК ПО ИМЕНИ «СЧАСТЬЕ»

— У каждого человека в памяти есть несколько событий, которые ему особенно дороги. Они вовсе не обязательно должны быть трагическими, но яркими — обязательно. Что было в вашем детстве?

— Котенок, который жил у нас в доме. Мы его назвали Счастье, потому что у него было пять разных цветов, и мама сказала мне, что такое Бог дает редким котам... Вот этот котенок и был моим счастьем.

Мы в Чашниково жили в каком-то странном бараче-сарайе. Мама работала агрохимиком, вокруг нас всегда было огромное количество цветов, даже и не было видно, что мы живем в сарае.

Потом у меня было дерево (как у Жанни д'Арк почти), и я туда уходила. Это было дерево моих фантазий... И был трон из снега. Это была нищая жизнь. Помню, когда приехал мамин брат и привез банку стученного какао, мне намазали бутерброд с этим какао. Я чувствовала, как на меня смотрели другие дети — я стала девочкой из обеспеченной семьи...

Весна была замечательна тем, что оттаивала земля и можно было играть в «ножички». Какая радость была от этого запаха земли и этой игры!.. Играть в «штанدرس», в лапту. Зимой — как метростроители — рыли туннели в снегу навстречу друг другу.

Помню, как меня лет в шесть поцеловал мальчик (мальчика уже не помню)...

— О чем вы тогда мечтали?

— Я мечтала стать колдуньей, может, оттого, что я была очень робкой и застенчивой. (По знаку я — Весы.) У меня был свой театр из карандашей — розовый был принцессой, голубой — как метростроители — рыли туннели в снегу навстречу друг другу. Еще мне очень нравилось дирижировать — и чтобы весь оркестр меня слушал!

— А когда в вашей жизни возник настоящий театр?

— Это был день моего рождения, папа купил билеты в Большой на оперу «Садко». Это было огромное потрясение — там была Баба Яга, которая куда-то падала, какие-то еще невероятные события... Потом было радио, через него ко мне пришли «как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Все постановки МХАТа я слушала по радио.

— Вы довольно рано осознали, что вы и театр — одно?

— Пожалуй, нет. Я уже заканчивала школу, ко мне пришла подруга и сказала, что она прочла объявление: театральная студия при Театре Станиславского объявляет набор. Я пошла туда вместе с ней и поступила. Она

— нет. Хотя конкурс был очень большой. Мама не сопротивлялась. Позднее поступила в Щепкинское театральное училище (при Малом театре) к замечательному педагогу Вениамину Ивановичу Цыганкову. Потом туда пришел Леонид Андреевич Волков, просто божественный актер и режиссер высокого уровня. Сейчас-то я понимаю, что меня к ним просто Бог направил. Они меня хорошо на землю поставили, школа у меня замечательная. Надо сказать, что у меня всегда к ним было полное доверие, я чувствовала, что они очень здорово знают профессию.

Помню, в одном спектакле (я играла Любовь-горбунью) я стояла в глубине сцены у шкафа, Леонид Андреевич подошел ко мне: «Чурикова, а что это вы тут делаете?» Я так скромно смахнула слезу и говорю: «Плачу». Он: «А зачем? Вас же все равно никто не видит! Вы лучше силы поберегите, не надо так вступую плакать...» Тем не менее я всегда плакала «впустую». Но слова его запомнила.

— Вы сказали, что к этим педагогам вас направил Бог. Вы действительно верите, что все в вашей жизни произошло по Божьей воле?

— Да. Не знаю, как к этим моим мыслям относится Бог, но мне кажется, что судьбой — но ведь была роль, которая перевернула все в вашей душе... — Однажды пришли два очень привлекательных мужчины, один — Марк Анатольевич Захаров, другой — Рафик Гаришинович Экимян. (Случайно?... Закономерно?...)

Пришли и говорят: мы хотим, чтобы вы работали в нашем театре. До этого Захаров звал меня в Театр сатиры на роль Немой в «Мамашу Кураж» — не сложилось. И вот — после «Начала» — они пришли звать меня в Ленком.

Разволновалась — согласилась на роль Ислы в «Тиле Уленшиггеле» (Горина). Я впервые увидела Коло Караченинова. Начались репетиции. Захаров абсолютно точно знал, что ему надо делать, спектакль был им уже решен. Мне было сложно, потому что Захаров очень усердно перемещал меня по пространству сцены, а я все вставала где-нибудь, как жердь, и никуда не двигалась... Потом он перестал меня вот так физически перемещать, и в результате я очень медленно перемещалась в пространстве, и мы поняли: это то, что надо, рядом с очень быстрым Тилем.

— Вы как актриса — огромная величина, Марк Захаров не пытался вас сломать, подмять под себя?

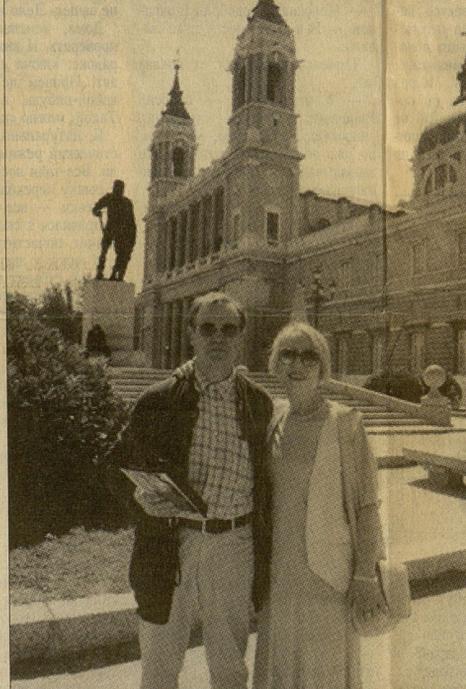
— Не знаю, такого чувства не было. У нас всегда было понимание того, за что мы брались вместе. В «Иванове» он придумал мизансцену, когда идет жуткая, ужасная сценка между мужем и женой, — только близкие, любящие люди могут так оскорблять друг друга... И он, дойдя уже до последнего предела, говорит ей: «Ты скоро умрешь... жидовка!» Представляет? Сара (я), опомнившись, подходит к Иванову и, безумно жалея его, спрашивает: «Когда?» И — уходит. Я очень любила эту роль.

А самые любимые? Даже не знаю — Нелли, Сара... Потом «Три девушки в голубом» Петрушевской. Это ведь куски моей жизни. Когда мы репетировали «Три девушки в голубом», мой Ванечка был совсем маленький, и я, уходя из дома на репетицию, видела на пороге двух мужчин — маленького и большого, и оба смотрели на меня совершенно беспомощно и укоризненно. У меня было чувство, что я им обоим изменяю. А уходила в другую, неустраивающую жизнь своей героини: ребенка на лето пристроить некуда, сняли дачу — крыша течет. Одинокая, хочется любви, никого нет, роман с каким-то начальником, у которого уехала жена, — ну совершенно невозможная жизнь! И эта — моя уже — невозможная жизнь начиналась у меня дома, потом я шла в театр, жила этой невозможной жизнью на репетициях с партнерами, потом возвращалась домой, шла в магазин за продуктами, там на меня — почему-то! — кричали продавщицы, одна так накричала, что я заплакала, бросила продукты и ушла... Вот такая была жизнь.

— Сказать бы кому, что на Инну Чурикову кричала продавщица в магазине!

— Да, но как кричала! Она, видимо, поняла, что на меня можно кричать.

— У вас есть небывшая роль, что вы хотели бы сыграть, но пока не сыграли?

С мужем и любимым режиссером

— Делаю не то, о чем мечтаю, а то, что предлагает режиссер. То, что он хочет, видит.

— Ну а если он предложит вам что-то совершенно поперек вашего желания?

— Вот сейчас у меня такая работа, довольно сложная для меня. Это «Игрок» Достоевского, характер моей героини не строится в ходе пьесы, его — готовый — просто приносят в кресле. Она уже написана, очень скромно, но твердо. Властная хозяйка. А я же хочу не прикидываться такой-этакой, а понять, чтобы эта история случилась со мной... Получится — не получится, не знаю, но хочется открыть в себе новую персону...

— А уже открытые вам не мешают жить? Ведь их у вас внутри такое количество. Локтями не толкаются в душевное пространство?

— У меня очень сильный собственный код. Даже жалко, что им не удается вырваться наружу. Иногда хочется, чтобы они pokrutili свою жизнь. У меня, как мне кажется, уже все сложилось в судьбе, но вот если бы вдруг каким-то образом что-то сломалось и я бы вышла в другое пространство, — какая бы я была? Я себя — ту — не знаю... У нас может измениться только к худшему. К лучшему у нас ничего не меняется.

ДОРОГА К ХРАМУ

— Скажите, вы человек религиозный?

— Душа моя живет своей собственной жизнью. Она естественно и спокойно знает, что Бог есть. И для меня никаких сомнений по этому поводу нет. Но тем не менее я еще не пришла к Богу, я еще в пути. Я еще иду по этой дороге... Я люблю ходить в храм, но хожу редко. В театр я хожу бесконечно, естественно, как дышу. А в храм — нет. Эта потребность еще не стала естественной, как дыхание, а мне кажется, что это должно быть именно так. Я ведь ребенком была некрещеной, крестилась я перед выпуском спектакля «Оптимистическая трагедия». Но не от страха за плохую драматургию Вишневского, совершенно без какой-либо связи с этим. Просто пришло время.

— У каждого человека в жизни бывает несколько встреч, которые резко меняют его направление движения. Это может быть встреча с книгой или встреча с человеком... Что в вашей жизни сыграло такую роль?

— Во-первых, это встреча с моими театральными педагогами, во-вторых — встреча

с Глебом Панфиловым... И даже Театр юного зрителя — тоже. И в ТО время — встреча с Солженицыным, после его книг я стала понимать вещи другого рода, стала понимать события, которые тогда происходили... До этих книг я была просто человеком, увлеченным театром, которого распырило от счастья жизни... Но главное — встреча с Глебом.

— Как это произошло?

— В нашу с мамой маленькую (хрущевскую) однокомнатную квартиру на Ленинском проспекте пришел режиссер Беглов и принес сценарий «Святая душа» (авторы — Габрилович и Панфилов). И сказал: «Читай!» И вот пока я на кухне читала, он молча сидел в комнате. Это был грандиозный сценарий — я просто сошла с ума от счастья. Это была такая Татьяна Теткина! Это была действительно святая душа! Для меня как бы открылась другая жизнь...

Я поехала на пробы в Ленинград — вошел такой чернорылый режиссер, тогда он мне не показался молодым, ему было где-то 32—33 года... Мы долго репетировали (у него были другие претенденты на эту роль). Но — слава тебе, Господи! — он решил звать меня. Да, я считала, что это был Божий промысел. Когда меня утвердили на роль и я стала уже сниматься, тогда я поняла, что в моей жизни появилась вот это... (скудость языка мешает!) Появился человек, о котором я стала думать без перерыва.

— Вы верите в справедливость, что она существует в мире по большому счету?

— В Божью — верю. Она может быть невидной, но она обязательно существует.

— Верите, что всем воздается по делам?

— Да. Но это не значит, что я всегда совершаю только хорошие поступки. Я очень часто бываю собой недовольна. Причины этому могут быть разные — профессиональные, бытовые...

Я воспитывалась в материальном мире. Лето я проводила в деревне с бабушкой. Помню, мы (дети и бабушки) ходили по какой-то дороге, вдоль которой рос орешник, и мы собирали орехи. Бабушки все время разговаривали друг с другом — что крышечные детки играют в яблочко, а некрещеные — нет, что нельзя долго в колодезь смотреть — водяной утянет... А дорога-то вела в Храм. Это потом, когда в школу пошла, я узнала, что Бога нет. А уж когда пионерский галстук надела и «Неживую природу» почитала — я уже совершенно точно знала, что молния — это не Бог, а два облака встречаются...

Бабушка зимой переезжала жить в Москву к нам в коммуналку, там-то я ей и сообщила, что Бога нет. Она так спокойно на меня посмотрела и сказала: «Для тебя его нет, а для меня он всегда есть».

Сын мой тоже прошел через это. Его принимали в пионеры в третьем классе, и мы с ним разучивали «Перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...» Это возраст, когда им так нужно во что-то верить! Я помню, как они волновались во время приема в пионеры, как у них дрожали руки, они думали, что сразу после этого начнется новая жизнь... Но она не началась. И все превратилось в нечто совершенно формальное: этот галстук, который можно надеть, а можно забросить под кровать... Он стал деталью одежды.

— Как носки?..

— Нет, носки — вещь нужная, а в галстук никакой необходимости не было. Это было время чудовищного формализма на такой, казалось бы, реалистической почве. Все время «галочки» и «птички».

— Почему вы назвали сына Иваном?

— Было два имени: Федя (мы очень любим Федора Михайловича Достоевского) и Ванечка... Месяц он у нас был без имени. И мы говорили так: «Давай назовем Ваню Федюшкой...» А завтра — «Нет, пусть уж лучше Федючку зовут Ваней». Но потом все-таки Ванечка победил.

Помню, ему было два года. Во дворе — огромная глубокая лужа. Все дети стоят по краю и смотрят. Я тихонечко говорю Ване: «Только не заходи туда!» Что вы думаете — зашел в самую середину и стоит. Мне (для того чтобы вынуть его оттуда) пришлось тоже войти в эту лужу по колено. И

вот я его, как котенка, несу на берег и ругаю, а он молча так смотрит на меня снизу вверх...

А как он привалел все! «Дорогой песочек, здоровья тебе и удачи!» «Дорогая березка, здоровья тебе и удачи!» Абсолютно искренне. Сейчас он нормальный современный человек, закрылся, стал внешне как все.

— Вы счастливая женщина?

— Секундами — да. Я позитивный человек. Это я могу сказать точно, а по поводу счастья — да, я испытывала это состояние. (Но я очень требовательна к себе, и мне это мешало).

— Господь дал вам огромный талант, который совпал с вашей профессией, он дал вам любовь, он дал вам ребенка. Что вам еще нужно? Чего вам не хватает?

— Не хватает? Я Емю благодарна за все. Но что такое счастье — покой? Ведь нет! Это не выходит, другое не получается... Марк Анатольевич мне поручил бабушку в «Игроке» (не знаю, зачем он это сделал) — трудно, не получается, не могу!.. Хочу сказать: пока, пока не почувствовала... И это счастье?.. Сын, слава Богу, поступил в МГИМО на факультет международного права, ни актером, ни режиссером не будет, но верно ли это?... Права ли я?..

— Думаю, тяжело быть актером, если ты сын Чуриковой. Это ведь только кажется, что мама постелет помягше там, где упасть, и по лестнице будешь пониматься побыстрее...

— Он определенно не хотел. Но если бы он захотел — о, я была бы очень рада! Я люблю ходить с ним в театр и хотела бы, чтобы нас связывала профессия. Потому что в юриспруденции я... разбираюсь плохо. Иногда я, конечно, открываю его книги и читаю, но — нет! Мы долго обсуждали — куда ему пойти, серьезно советовались с друзьями, я познакомила даже с проектором... (Он, кстати, произвел на меня очень хорошее впечатление, очень, и это смягчило нас...)

Мне хочется, чтобы мой сын сохранил все свои природные одаренности, потому что жизнь обладает способностью лишать человека его индивидуальности, это не со всеми происходит, но происходит. Особенно на дипломатическом поприще.

МЫ ЖИВЕМ В МИРЕ ПРОДЮСЕРОВ

— Ну хорошо, в профессии вы нашли, что вас не устраивает, в ребенке — тоже, а что вас не устраивает в муже?..

— Сейчас я переживаю из-за того, что все так печально складывается в кино... Такой режиссер, как Элем Климов, не снимает! Что это такое?! Это же ужас! Сегодня снимает тот, у кого есть деньги.

— А почему у мастера денег нет, а у того, кто делает дешево, деньги есть?

— Я не знаю. Наверно, люди умеют работать локтями. Ведь Глеб тоже не сам нашел деньги на картину, он встретил человека, который пошел в банк и попросил дать деньги. Сам бы Глеб никогда туда не пошел. Да говорят, туда и не пускают! Мы теперь живем в другом мире, где нужны продюсеры. У режиссера Формана, пережившего из Чехословакии в Америку, несмотря на все его депрессию, был хороший продюсер, который знал, что такое Форман, и вытал его.

— Что происходит с творческим человеком, когда он 8 лет не имеет возможности работать?

— Что происходит — держится. Я иногда встречаюсь с Элемом Климовым — он все испытания выдерживает с честью, он пишет прекрасные стихи... Грандиозные стихи. Думаю, если Элем сейчас начнет снимать, — это будет совершенно другой Климов. Это глубоко талантливый человек, и, понятно, он хочет снимать только то, что он хочет, а не что закажут. Это привилегия таланта. Они очень похожи с Глебом.

Глеб не снимал 8 лет. Это ж невозможно! Но был написан сценарий. Он называется «Же в зем, или Романовы. Венценовская семья». Это история последних дней царской семьи, она была написана Глебом еще до того, как это стало модным, когда об этом и говорить-то нельзя было... Уже тогда он хотел это снимать. Этот временной срез очень напоминает то, что происходит сейчас, и анализ этого времени очень важен: что произошло, как началось наше трехопадение, которое еще не искуплено. Глеб все это время (пока не снимал) работал, он читал, писал, у нас (вы не представляете — какая!) библиотека о царской семье. Колоссальная!.. Эта картина должна быть нашим искуплением за грехи партийных предков.

Теперь, когда наконец наши деньги, дай Бог, чтобы все это состоялось, чтобы не получилось, как у Германа, когда одну часть

сняли — и кончились деньги. Потом где-то достали денег — сняли вторую часть...

— Как вы относитесь к тому, что происходит в России в интеллектуальной сфере? К тому, как и куда смещаются акценты? Изменился ли ваш зритель?

— Я это ощущаю, только когда во время спектакля в зале начинает звонить мобильный телефон. Или вдруг у кого-то пейджер запищит нектати во время напряженной паузы на сцене. Только в этих случаях, а так — если судить по реакции зала — нет, зритель не изменился.

Когда смотрю телевизор — да, дурновкусие лезет из всех щелей этого так называемого шоу-бизнеса. И даже трудно сказать — то ли актеры съезжают до уровня публики, то ли публика опускается до уровня этих актеров... Невозможно определить, кто задает столь низкий уровень. Но и смотреть это невозможно. Слава Богу, у нас теперь пять программ! Можно выбрать. Иногда показывают хорошие кино.

У нас очень хорошая домашняя фильмотека, мы часто так садимся с Глебом и смотрим — финал из «Ночей Кабрино», потом — кусок из «Смерти в Венеции»...

— В общем, ведете себя как гурманы... А политика вас интересует? Что вы думаете по поводу этого театрального предстваления?

— Раньше интересовала, а сейчас — я разочаровалась в актерах. Совсем они меня не радуют, нет. Я понимаю, что жизнь — дело не только духовное, но и материальное, но все равно хочется, чтобы даже в политике сохранялся достоинство, чтобы человек был верен слову, которое дал... Чтобы тщеславие и корысть не были единственными мотивами поступков... Приход коммунистов в Думу меня очень расстроил. А генерал Лебедь кажется правдивым, хотя и прямолинейным, и может быть, если бы он руководил армией, не было бы войны в Чечне. У нас вообще нет опыта хороших руководителей, как нет опыта хорошего президента.

— Давайте немного сменим тему. Сейчас модно одеваться у знаменитостей: одни одеваются у Славы Зайцева, другие — в магазинах Версаши, а где одевается актриса Инна Чурикова?

— Сейчас я нахожусь в состоянии поиска — у кого одеваться. Пока я еще не решила, кого выберу. А вообще я люблю заниматься костюмом, мне это очень нравится — придумывать что-то, комбинировать...

— Но свой стиль вы выработали сами или кто-то из профессионалов помог вам?

— В этом участвовали и я, и Глеб... Но у нас в нем есть разномгласия: например, я купила один костюм — он мне очень нравится. Но с Глебом я его одеть не могу. Он категорически не хочет. Говорит, что это не мой стиль, что это я ношусь не должна. Мол, это стиль Людв Гурченко. (Такой пиджачок, коротенькая юбочка...) А мне очень нравится! Я в этом костюме чувствую себя преобразованной. А ему нравится, когда у меня гладко зачесаны волосы назад, чтобы все было изящно, тонко...

— Но тем не менее вы сейчас ходите со стрижкой. Это что — протест?

— Почти. Это началось с картины «Плащ Казановы», с этих курдюшек... Я вдруг почувствовала, что гладко зачесанные волосы делают меня старше...

— Ваш любимый цвет?

— Это зависит от многих вещей. Этой зимой — черный. Совсем недавно я очень любила малиновый, разный сливки, зеленый, все сочетание зеленого и голубого. Сейчас мне нравится роза в молоке, небо в молоке... Но это может быть и чрезвычайно красный цвет.

— Какие у вас отношения с домашними животными? Котенок по имени Счастье — это гениальное начало жизни. А что сейчас?

— Два года назад мы с Глебом были под Новокузнецком (как это называется — где летом отдыхают?... санаторий?... дом отдыха?... турбаза?... что-то на «орий», ну, где домики такие белые, крашенные полы, кровати стоят, туалет, который никогда не работает... ну вот — два шахтеров... Профилакторий!), вошла такая маленькая кошечка, голубенькая, села между сумкой и чемоданом и сидит. Так она просидела целый день. Вечером нам уезжать — а она сидит. Я говорю: «Глеб, она нам послана!» — «А как же Джек (наш спаниель)?» — отвечает она. Так мы ее и взяли с собой на гастроли. И с гастролей в Москву привезли. Теперь Машенька — наша любимица. Джек смирился, только когда хвалишь Машеньку, он подходит и так лопает: «А как же я? Я же тоже хороший!»

Беседовала Марина КАТЫС

